

Священник Геннадий Егоров

**СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ
ВЕТХОГО ЗАВЕТА**

**(Фрагмент:
Писания царя Соломона;
Неканонические учительные книги:
Неканоническая книга Премудрости Соломона,
Неканоническая книга Премудрости Иисуса,
сына Сирахова)**

Курс лекций

Москва
2011

Глава 22. Писания царя Соломона: Книга притчей, Книга Екклесиаст и Песнь песней

«И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян. Он был мудрее всех людей, мудрее и Ефана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола, и имя его было в славе у всех окрестных народов. И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять; и говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах. И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его» (3 Цар. 4: 30–34).

Древность традиционно усваивала Соломону авторство трех учительных книг – Притчей, Екклесиаста и Песни песней. Хотя Соломон изображается иногда на иконах, а чаще в росписях храмов с нимбом, к лику святых он не причислен и в святцах мы его не найдем. Однако достоинство его книг от этого ничуть не страдает. Святитель Григорий Нисский говорит, что под автором указанных выше книг следует подразумевать не только Соломона, сына Давидова: «Не думаешь ли ты, что сим именем ([мирный] – Г. Е.) называют Соломона, рожденного Вирсавией, принесшего в жертву на горе тысячу волов, воспользовавшегося на грех сидонской советницею? Другой означает им Соломон, Который и Сам от семени Давидова происходит по плоти, Которому имя мир, истинный Царь Израилев, создатель Божия Храма, объявший в Себе ведение всего, премудрость Которого беспредельна, лучше же сказать: бытие Которого есть премудрость, истина, и всякое боголепие, и высокое именование понятий. Он-то, сего Соломона употребив в орудие, через него беседует с нами: сперва в Притчах, потом в Екклесиасте, а после сего в предлагаемом любомудрии Песни песней, постепенно и в порядке указуя словом восхождение к совершенству» [15, с. 17–18]. Святитель Григорий автором книг считает Самого Христа, говоря о том, что Он есть и Учитель, и Проповедник, и Сын Давида, и Царь Израилев, но только уже в совершенном смысле. Здесь уже святитель указывает на осмысленность порядка расположения трех книг, о чем мы поговорим несколько позже.

22.1. Книга притчей Соломоновых

«Притчи Соломона, сына Давидова, иже царствова во Израили» (Притч. 1: 1). Святитель Василий Великий пишет: «Слово “притча” у внешних употребляется в означение изречений общенародных и произносимых, всего чаще, на путях; потому что путь называется у них οἶμος, отчего и притчу (παροιμία) определяют так: речение припутное, самое обычное в народном употреблении и от немногого удобно прилагаемое ко многому подобному. А у нас притча есть полезное слово, выраженное с некоторой

прикровенностью, но как с первого взгляда заключающее в себе много полезного, так и в глубине своей скрывающее обширную мысль. Потому и Господь говорит: *сия в притчах глаголах вам, но приидет час, егда ктому в притчах не глаголю вам, но яве* (Ин. 16: 25); потому что приточное слово не имеет открыто и общевразумительно высказанного смысла, но обнаруживает намерение свое косвенным образом и только людям более внимательным. Поэтому притчи Соломона есть изречения, возбуждающие внимание и доставляющие пользу на всем пути жизни» [12, ч. 4, с. 194]¹.

О том, что может значить для верующей души притча, прекрасно сказал святитель Николай Сербский: «Любовь моя бодрствует, не утомляется. Тот, Кого люблю и ожидаю, грядет ко мне в окружении свиты небесной. Как же спать мне, и как бдение может утомить меня? Бодрствую, слушая притчи людей, и прислушиваюсь к притчам тварей бессловесных: не угадаю ли в них тайное послание от любви моей? Не занимают меня притчи ради притч или ради сказателей их, только Тебя ради» [55, с. 111].

Структура книги. В Книге притчей можно выделить две различающиеся между собой неравные по объему части. Для простоты запоминания можно условно сказать, что одна часть носит характер нравственно-догматический, а вторая – нравственно-практический.

Первая часть с 1-й по 9-ю главы — собрание увещательных речей Соломона. Эти речи посвящены премудрости как таковой, в них содержится убеждение слушающего или читающего взыскать и последовать премудрости и, наоборот, уклоняться от глупости и безумия.

Вторая часть – это сборник практических поучений.

Премудрость библейская и языческие поучения. Нередко приходится встречать рассуждения о сходстве учительных книг Библии с внешне похожими произведениями Древнего Египта и Междуречья. Я неслучайно употребил слово «внешне», так как с точки зрения природного душевного устройства люди одинаковы и требования совести неизменны. Также и бытовые обстоятельства, из которых черпали материал для притчей, не слишком сильно различались у представителей перечисленных народов. Но если перейти от вопроса «как жить по совести?» к вопросу «зачем это нужно и каковы источники и плоды добродетели?», то мы увидим существенное различие между сочинениями древних мудрецов и Божественным Откровением.

О Премудрости. В самом начале Соломон говорит о том, зачем он пишет эту книгу: *«чтобы познать мудрость и наставление, понять изречения разума; усвоить правила благоразумия, правосудия, суда и правоты; простым дать смышленость, юноше – знание и рассудительность; послушает мудрый – и умножит познания, и разумный найдет мудрые советы... Начало мудрости – страх Господень <...> а благоговение к Богу – начало разумения»* (Притч. 1: 2–7). Прекрасное толкование этого отрывка

¹ Подробнее см. в приложении к этой главе.

есть у святителя Василия Великого [см. 12, ч. 4, с. 193–223]. Следуя за ним, выделим несколько уровней понимания премудрости.

Есть мудрость житейская. Связана она обычно с умом и жизненным опытом. В самом общем виде можно сказать, что это искусство правильно жить. Но общее определение сразу переводит нас к другому пониманию. Правильная жизнь для верующего – это жизнь с Богом, жизнь, приводящая к Богу. А раз так, то премудрость обязательно оказывается связанной с благочестием. Это рассуждение можно проиллюстрировать простым примером. Даже в бытовом употреблении слова мудрость присутствует элемент нравственной оценки. Словосочетание «мудрый убийца» звучит неестественно. Может быть хитрый изворотливый, очень умный. Но слово мудрый сюда не подходит. Между умным и мудрым не количественное различие, а качественное. Сколько ни умней, мудрым не станешь. *«Вот, страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла – разум»* (Иов. 28: 28).

По слову святителя Иоанна Златоуста, «высочайшая премудрость состоит в том, чтобы почитать Бога, а не в том, чтобы заниматься излишним и производить исследование совершающегося. Нет ничего равного этому искусству, нет ничего сильнее этой мудрости, нет ничего лучше богобоязненности» [29, т. 12, с. 1073].

Начало премудрости – страх Господень. В этом особенность библейской премудрости. Перед нами не просто сборники афоризмов житейской мудрости, полезных советов по разным поводам: как лучше солить грибы, доить корову и так далее. Притчи Соломона отвечают на вопрос: как следует человеку жить, для того чтобы угодить Богу? Об этом сказано было еще Моисеем: *«Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой, дабы вы так поступали в той земле, в которую вы вступаете, чтоб овладеть ею; итак храните и исполняйте их, ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный. Ибо есть ли какой великий народ, к которому боги [его] были бы столь близки, как близок к нам Господь, Бог наш, когда ни призовем Его?»* (Втор. 4: 5–7).

Таким образом, человек мудрый – это человек благочестивый и мудрость ведет его к Небесному Царству.

Очень важное для нашей темы замечание делает в своей книге митрополит Иерофей Влахос:

«Обычно говорят, что человек есть разумное существо, имея в виду, что он обладает разумом и мышлением. Однако в святоотеческом богословии разумным считается не такой человек, который обладает лишь разумом и произносимым словом, но тот, кто разумом и “разумною силою ищет и исследует, как обрести Бога” и соединиться с Ним [прп. Феогност, Добр., т. 3, с. 386]. Разумен тот, кто очищает свой ум, в котором открывается Бог, и

в дальнейшем выражает этот внутренний опыт посредством слова и мышления. В противном случае человек неразумен и ничем не отличается от бессловесных животных. Конечно, такой человек обладает разумной способностью и разумом, однако, не будучи соединен с Богом, он является мертвым. Мертвая душа являет и омертвление разума.

До падения разум в человеке имел правильное употребление, то есть ум ощущал Бога, а разум выражал опыт ума. «Чистый ум право смотрит на вещи; образованный упражнением разум виденное полагает как бы перед очами других» [прп. Феогност, там же] [25, с. 207].

Это замечание находит свое подтверждение и в рассматриваемой книге: *«Распутный ищет мудрости и не находит; а для разумного знание легко»* (Притч. 14: 6).

Премудрость не есть что-то такое, что человек может просто достичь своими усилиями. Прочитать все книги, выслушать все лекции – и сделаться премудрым. Приобретение премудрости требует больших, если не сказать, всецелых усилий. *«Сын мой! если ты примешь слова мои и сохранишь при себе заповеди мои, так что ухо твое сделаешь внимательным к мудрости и наклонишь сердце твое к размышлению; если будешь призывать знание и взывать к разуму; если будешь искать его, как серебра, и отыскивать его, как сокровище, то уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге. Ибо Господь дает мудрость; из уст Его – знание и разум»* (Притч. 2: 1–6).

Оказывается, что премудрость-благочестие есть дар Божий, а источник премудрости в Самом Боге, Который сотворил мир, и только Бог может даровать человеку премудрость. Исходящая от Бога, она к Богу ведет – только такая премудрость почитается в Писании и в Книге притчей как истинная. *«Аваддон и смерть говорят: ушами нашими слышали мы слух о ней. Бог знает путь ее, и Он ведает место ее. Ибо Он прозирает до концов земли и видит под всем небом»* (Иов. 28: 22–24).

Сказав, что Бог – источник премудрости, перейдем, наконец, в-третьих, к высшему уровню понимания: Он Сам открывается как Премудрость. Премудрость у Соломона предстает персонифицированной: что-то говорит, к чему-то призывает, что-то делает (Притч. 8: 9). Как мы увидим, речь идет об Ипостасной Премудрости Божией. *«От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением»*, – пишет апостол Павел (1 Кор. 1: 30).

Три воззвания Премудрости. Первая часть книги содержит в себе так называемые воззвания Премудрости Божией к людям [см., напр., 23, кол. 127–129]. Первое воззвание содержится в 1-й главе: *«Обратитесь к моему обличению: вот, я изолью на вас дух мой, возведу вам слова мои. Я звала, и вы не послушались; простирала руку мою, и не было внимающего; и вы отвергли все мои советы, и обличений моих не приняли. За то и я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас; когда придет на вас ужас, как буря, и беда, как вихрь, принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать меня, и я не услышу; с утра будут*

искать меня, и не найдут меня. За то, что они возненавидели знание и не избрали для себя страха Господня, не приняли совета моего, презрели все обличения мои; за то и будут они вкушать от плодов путей своих и насыщаться от помыслов их. Потому что упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их, а слушающий меня будет жить безопасно и спокойно, не страшась зла» (Притч. 1: 23–33). Здесь совершенно очевидно, что премудрость не тождественна знанию, поскольку и те беды, которые придут на человека, который ее не имеет, и, наоборот, безопасность людей, следующих премудрости, явно превышает последствия от обладания или отсутствия обыкновенного знания. Эти слова весьма напоминают ветхозаветную пророческую проповедь.

Второе воззвание Премудрости содержится в 8-й главе. Премудрость «становится на возвышенных местах, при дороге, на распутиях; она взывает у ворот при входе в город, при входе в двери: к вам, люди, взываю я, и к сынам человеческим голос мой! <...> Слушайте, потому что я буду говорить важное, и изречение уст моих – правда; ибо истину произнесет язык мой, и нечестие — мерзость для уст моих; все слова уст моих справедливы; нет в них коварства и лукавства; все они ясны для разумного и справедливы для приобретших знание. Примите учение мое, а не серебро; лучше знание, нежели отборное золото; потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею. Я, премудрость, обитаю с разумом и ищу рассудительного знания. Страх Господень – ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу. У меня совет и правда; я – разум, у меня сила. Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду; мною начальствуют начальники и вельможи и все судьи земли. Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня; богатство и слава у меня, сокровище непогибающее и правда; плоды мои лучше золота, и золота самого чистого, и пользы от меня больше, нежели от отборного серебра. Я хожу по пути правды, по стезям правосудия, чтобы доставить любящим меня существенное благо, и сокровищницы их я наполняю. Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими. Итак, дети, послушайте меня; и блаженны те, которые хранят пути мои! Послушайте наставления и будьте мудры, и не отступайте от него.

Блажен человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у ворот моих и стоя на страже у дверей моих! потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа; а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все, ненавидящие меня, любят смерть» (Притч. 8: 2–4, 6–36). Премудрость рождена «прежде всех век». Премудрость, явившаяся среди людей, предстает здесь творческой силой Божией, посредством которой Господь создает мир. Мы знаем, что Господь творит мир через Сына, «имже вся быша». Дар Премудрости подобен жемчужине и сокровищу. Ищущий мудрости познает ее учение и через него избавляется от смерти. По содержанию этот отрывок напоминает нам евангельскую проповедь Спасителя (особенно речи, содержащиеся в Евангелии от Иоанна).

И, наконец, третье воззвание содержится в 9-й главе. Его обычно знают лучше, чем два предыдущие, поскольку оно читается в качестве третьей паремии на Богородичные праздники: *«Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: “кто неразумен, обратись сюда!” И скудоумному она сказала: “идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное; оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума”*. <...> *Начало мудрости – страх Господень, и познание Святого – разум; потому что чрез меня умножатся дни твои, и прибавится тебе лет жизни»* (Притч. 9: 1–6, 10). Если продолжать линию привязки этих речей к священной истории, здесь легко увидеть апостолов, посылаемых по устройению Христом Церкви на всемирную проповедь. Все уже совершилось, и все приглашаются на торжественную трапезу Агнца (Откр. 19: 9). Понятно, что поскольку принесение жертвы и устройство Церкви (дома на семи столпах, понимаемых как таинства) стало возможным только посредством Боговоплощения, которое совершилось с участием Божией Матери, то эта паремия и читается на Богородичные праздники. Такое понимание этого отрывка зафиксировано и в гимнографии:

«Всевиновная и подательная жизни, безмерная Мудрость Божия созда храм Себе от Чистыя Неискусомужныя Матере: в храм бо телесен оболкийся, славно прославися Христос Бог наш.

Тайно водящи други своя, душепитательную уготовляет трапезу, безсмертия же воистинну Мудрость Божия растворяет чашу верным: приступим благочестно и возопиим: славно прославися Христос Бог наш.

Услышим вси вернии созывающую высоким проповеданием несозданную и естественную Премудрость Божию, вопиет бо: *вкусите и разумевше, яко Христос Аз, возопийте: славно прославися Христос Бог наш* [Во святыи и великий Четверток на утрени. Канон, песнь 1, тропари 1–3 // Триодь Постная].

В качестве средства исправить скудоумных (т.е. страдающих от недостатка добродетели) людей предлагаются хлеб и вино, от которых обычно ума не прибавляется. Эта трапеза указывает на Евхаристию, которой исцеляется душа человеческая и делает его вместилищем Премудрости, потому что Евхаристией человек соединяется со Христом.

Под трапезой, приготовленной Премудростью, можно понимать не только Евхаристию, но и учение Спасителя. Святитель Василий Великий говорит, что Писание «все говорит в высшем знаменовании, под образом телесного давая нам разуметь духовное. Ибо словесную пищу души называет трапезою, к которой созывает с высоким проповеданием, то есть учениями, не заключающими в себе ничего низкого и презренного» [12, ч. 4, с. 198].

Практически в конце книги встречаются такие слова: *«Кто восходил на небо и нисходил? кто собрал ветер в пригоршни свои? кто завязал воду в одежду? кто поставил все пределы земли? какое имя ему? и какое имя сыну его? знаешь ли?»* (30: 4). Можно рассматривать их как риторический вопрос – в том смысле, что ответа у человека нет. Но можно в них увидеть и возврат к началу. Особенно вопрос об имени Сына в контексте необходимости постижения премудрости, Того, кто, собственно, является Премудростью.

О глупости. В противоположность мудрому глупый – это не просто не очень умный человек. *Безумие* – это понятие, связанное с нечестием: *«рече безумен в сердце своем: несть Бог»* (Пс. 52: 2). Потому-то Христос в Нагорной проповеди говорит: *«...кто скажет (брату своему): “безумный”, подлежит геенне огненной»* (Мф. 5: 22). Поэтому, когда в Священном Писании речь идет о глупости, нужно понимать, что глупость, как и мудрость, восходит как бы к самой сердцевине человеческой жизни, а именно к его самоопределению по отношению к Богу. И поэтому премудрость Божия совершенно непостижима для глупца. Казалось бы, это дар Божий и можно было бы дать его и глупцу, но поскольку глупец – это тот, кто отвергается от Бога, то соответственно таковой не может получить этот дар. *«Ибо невежда говорит глупое, и сердце его помышляет о беззаконном, чтобы действовать лицемерно и произносить хулу на Господа, душу голодного лишать хлеба и отнимать питье у жаждущего»* (Ис. 32: 6).

«Благоразумно» решившего расширить житницы богача евангельская притча именуется именно безумным. Он думает только о себе и о насыщении телесном. Поэтому, будучи сообразительным и предприимчивым в земном плане, он оказывается безумным перед лицом вечности.

Но в раскрытии понятия глупости следует пойти дальше. Если олицетворением Премудрости в Книге притчей является добрая и благоразумная жена [см. 15, с. 23], то глупости – распутная женщина.

«Когда мудрость войдет в сердце твое, и знание будет приятно душе твоей, тогда рассудительность будет оберегать тебя, разум будет охранять тебя <...> дабы спасти тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает речи свои, которая оставила руководителя юности своей»

и забыла завет Бога своего. Дом ее ведет к смерти, и стези ее – к мертвецам; никто из вошедших к ней не возвращается и не вступает на путь жизни» (Притч. 2: 10–11, 16–19).

«Ибо мед источают уста чуждой жены, и мягче ея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней. Если бы ты захотел постигнуть стезю жизни ее, то пути ее непостоянны, и ты не узнаешь их» (Притч. 5: 3–6).

Чужая жена завлекает в свои сети сладкими речами (Притч. 2: 16; 5: 3; 6: 24; 7: 21), хотя блудницам обычно свойственны другие приемы [см. 1, с. 34]. Из вышеприведенных цитат делается ясным, что под глупостью, которую и олицетворяет распутная жена, понимается нечестие и его источник – диавол. Особенно ясно это видно из того, что сразу за третьим воззванием Премудрости следует описание образа действия глупости:

«Женщина безрассудная, шумливая, глупая и ничего не знающая садится у дверей дома своего на стуле, на возвышенных местах города, чтобы звать проходящих дорогою, идущих прямо своими путями: “кто глуп, обратись сюда!” И скудоумному сказала она: “воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен”. И он не знает, что мертвецы там, и что в глубине преисподней зазванные ею. [Но ты отскочи, не медли на месте, не останавливай взгляда твоего на ней; ибо таким образом ты пройдеши воду чужую. От воды чужой удаляйся, и из источника чужого не пей, чтобы пожить многое время, и чтобы прибавились тебе лета жизни.]» (Притч. 9: 13–18). Диавол во всем пытается подражать Богу, но, не имея ничего своего, вынужден довольствоваться краденым и утаенным. Заметим, что глупость старается завлечь не скудоумных, но прямо идущих своим путем.

Поучения книги. На том, что сказано о стяжании Премудрости, основываются и все остальные наставления книги. Рассматриваются отношения между мужчинами и женщинами и как должно судить в суде, как нужно кому-то за кого-то поручаться, давать займы и так далее. Просматривается самое главное — то, что ведет человека к Богу, помогает человеку исполнить установление Божие или, наоборот, отвращает. Праведная жизнь в умеренности, в воздержании, с молитвой ведет к этому; всякое распутство, кражи, ложь и так далее отвращают от этой жизни. И именно в этом ключе как раз и оцениваются те или иные пути человеческой жизни.

На первый взгляд может показаться, что начиная с 10-й главы Книга притчей распадается на не связанные между собой поучения. У читателя, впервые приступающего к ней, возникает недоумение – отчего премудрый Соломон и собиратели его притчей не смогли привести их хоть в какую-то систему? Притчи о богатстве, о гневе, о терпении и так далее. Было бы проще и удобнее читать. Почему же этого не было сделано? Не хватило сил, или тут какой-то секрет?

При втором и последующих чтениях начинаешь замечать, что некоторые фразы повторяются, при этом изменяясь в одной из своих частей. И если подобрать похожие выражения, то можно получить интереснейшую «объемную» картину и убедиться, что книга имеет гениальное внутреннее устройство.

Для примера приведу две небольшие подборки.

Первая посвящена раздорам, которые многие считают неизбежным атрибутом человеческого общежития.

Прикрывающий проступок ищет любви; а кто снова напоминает о нем, тот удаляет друга (17: 9).

***Ненависть** возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи (10: 12).*

*От **высокомерия** происходит раздор, а у советующихся — мудрость (13: 10).*

***Вспыльчивый** человек возбуждает раздор, а терпеливый утишает распрю (15: 18).*

Начало ссоры — как прорыв воды; оставь ссору прежде, нежели разгорелась она (17: 14).

*Честь для человека — отстать от ссоры; а всякий **глупец** задорен (20: 3).*

*Прогони **кощунника**, и удалится раздор, и прекратятся ссора и брань (22: 10).*

*Где нет больше дров, огонь погасает, и где нет **наушника**, раздор утихает.*

*Уголь — для жара и дрова — для огня, а человек **сварливый** — для разжжения ссоры (26: 20–21).*

Не дружись с гневливым и не сообщайся с человеком вспыльчивым, чтобы не научиться путям его и не навлечь петли на душу твою (22: 24–25).

Из приведенных текстов отчетливо видно, что столь привычные роду человеческому раздоры обличают присутствие глупца, гордеца и кощунника, то есть напрямую связаны с нечестием.

Другой «безобидный» порок — лень. Оставляя читателю самому найти поучения об этом недуге, ограничимся небольшим комментарием. На первый взгляд кажется, что Соломон очень переживает за человека ленивого, потому что он мог бы работать и заработать, а он не работает, и поэтому бедный. Но исчерпывается ли этим дело?

Путь ленивого противопоставляется пути праведника, тем самым первый отделяется от последнего. Ленивый имеет женоподобную, лишенную мужества душу, то есть он живет страхом. Виноградник ленивого (т.е. его душа) зарос сорняками, и каменная ограда вокруг него разрушена. Он не может изменить ни того, что вокруг него, ни того, что внутри. Как же при этом не жить в страхе?

Если мы возьмем такой порок как многословие, то получим самую убедительную иллюстрацию евангельских речений об осквернении исходящим из уст (Мф. 15: 11) и ответе за праздно слово (Мф. 12: 36).

Теперь обратимся к добродетелям, выбрав в качестве примера милосердие. *Милосердием и правдою очищается грех, и страх Господень отводит от зла* (16: 6).

Благотворящий бедному дает взаймы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его (19: 17).

Человек милосердый благотворит душе своей, а жестокосердый разрушает плоть свою (11: 17).

Кто ругается над нищим, тот хулит Творца его; кто радуется несчастью, тот не останется ненаказанным [а милосердый помилован будет] (17: 5).

Кто теснит бедного, тот хулит Творца его; чтущий же Его благотворит нуждающемуся (14: 31).

Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет вопить, – и не будет услышан (21: 13).

Умножающий имение свое ростом и лихвою соберет его для благотворителя бедных (28: 8).

Дающий нищему не обеднеет; а кто закрывает глаза свои от него, на том много проклятий (28: 27).

И здесь также очевидна связь милосердия и благочестия, милосердие не рождается на пустом месте. В этих примерах мы находим подтверждение высказанной ранее мысли о том, что главный интерес книги – не в улучшении быта, но в научении праведности.

Составление таких подборок показывает, что душа человеческая проста. Неслучайно Господь требует целомудрия. Не получается так, чтобы была одна добродетель без других. Мы начинаем собирать изречения об одной добродетели, но она притягивает к себе все остальные. Мы начинаем делать подборку о грехе – и вытягиваем целую сеть. Заведется в душе один грех, одна страсть – и можно быть уверенным, что она за собой приведет все остальные. Насаждение добродетели требует усердия того или иного во всех сферах.

Среди подборок изречений о добродетели первое место должна занимать та, которая посвящена любви. И тут мы наталкиваемся на новую загадку. Слово «любовь» встречается всего несколько раз. Получается, что любовь так мало интересовала приточника? Конечно, нет. Любовь пронизывает эту книгу, призывающую возлюбить премудрость. Можно сказать, что Книга притчей является большой загадкой о любви, которую вдумчивый читатель должен разгадать.

Такое устройство Книги Соломоновых притчей очень для нас полезно. Ведь круг человеческих помышлений часто однообразен и замкнут. Нам сложно выскочить из этого привычного круговращения мысли, который с годами начинает казаться естественным и единственно возможным. И вот Книга притчей прекращает этот бег по кругу. Неожиданная смена тем, незаметные повторы, яркие сравнения не дают нам возможности заикливаться на чем-то одном. И вот мысль наша раскрылась и уже пошла

по тем путям, по которым нас ведет Писание. А оно нас ведет к созерцанию добродетели в ее целостности, целомудрии и любви.

Книга притчей так устроена для того, чтобы душа, потрудившись, сделалась чище и лучше и приобрела полезный навык поиска и созерцания истины.

Цитаты из Книги притчей в Новом Завете. Несколько цитат из Книги притчей встречается в Посланиях апостольских.

В Послании апостола Иакова в 4-й главе (Иак. 4: 6) и в Первом послании апостола Петра (1 Петр. 5: 5): *«Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»*, – тоже из 3-й главы Книги притчей (Притч. 3: 34).

В Первом послании апостола Петра: *«И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?»* (1 Петр. 4: 18) – это тоже цитата из Книги притчей, из 11-й главы (Притч. 11: 31) и тоже цитируется в соответствии с греческим текстом.

Во Втором послании апостола Петра во 2-й главе: *«но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи»* (2 Петр. 2: 22), – тоже цитата из Книги притч (Притч. 26: 11).

В Послании к римлянам в 12-й главе: *«Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья»* (Рим. 12: 20) – это цитата из 25-й главы Книги притчей (Притч. 25: 21–22).

В Послании к евреям в 12-й главе говорится: *«Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: сын мой! Не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказует; бьет же всякого сына, которого принимает»* (Евр. 12: 4–6) – это 3-я глава (Притч. 3: 11–12), причем Книга притчей цитируется по тексту Септуагинты, а не по масоретскому.

Можно изучать притчи еще и по богослужебному употреблению, обращая внимание на то, как они употребляются в паремиях. Мы уже говорили, что само греческое слово «паремия» в переводе означает «притча». Таким образом, Книга притчей дает название всем ветхозаветным чтениям за богослужением.

Паремии из Книги притчей читаются на службах Кресту, Богородице, святителям.

Притчи читаются за богослужением во все будние дни Великого Поста. По мнению профессора А. Олесницкого, «после псалмов Церковь чаще других ветхозаветных книг предлагает для чтения книгу Притчей, особенно во дни Св. Четыредесятницы, так как, по приведенному свидетельству св. Григория и других отцов, учением книги Притчей сообщается духовная гибкость в подвигах святой жизни. В дни поста и покаяния, больше чем когда-либо, человек сознает себя странником, не имеющим пребывающего града, а книга Притчей или, по греческому названию ее, паремий,

заклучает в себе, как объясняют древние толкователи, именно дорожные напутствия странникам» [57, с. 73].

22.2. Екклесиаст

«Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме» (Еккл. 1: 1) – так начинается эта книга. Слово «Екклесиаст» греческое, означает «проповедник». Имя Соломона в ней прямо не называется, но в другом месте автор говорит, что он «был царем над Израилем в Иерусалиме» (Еккл. 1: 12). Собственно, царями над Израилем в Иерусалиме были только два человека: Давид и Соломон, в момент воцарения Ровоама уже произошло разделение, поэтому выбор небольшой. Если автор говорит, что он сын Давида, очевидно, что нам остается только Соломон.

Снова напомню о приводившемся выше толковании святителя Григория Нисского по поводу авторства книг Соломоновых. Относительно обсуждаемого стиха он говорит, «что сила и этих слов возводится к Тому, Кто на Евангелии утвердил Церковь, ибо сказано: *глаголы Екклесиаста, сына Давидова*. А так и Его именует Матфей в начале Евангелия, называя Господа Сыном Давидовым» [19, с. 7].

Книга эта, в отличие от других библейских книг, в советское время пользовалась популярностью даже среди неверующей интеллигенции. И это неудивительно, ведь Екклесиаст удивляет своим безудержным скептицизмом, заметно отличающимся от спокойной уравновешенности Притчей и входящим в противоречие с хвалением Псалтири и восторженностью Песни песней. Поэтому следует разобраться, в чем здесь дело, действительно ли эта книга несет в себе только негативное содержание, или все-таки она содержит и нечто положительное?

В начале своего толкования святитель Григорий Нисский пишет: «На истолкование нам предлагается Екклесиаст, трудность воззрения на который равняется величию доставляемой им пользы. Ибо после того, как ум обучен уже приточным мыслям, в которых, по сказанному в предисловии к книге Притчей, есть и темные слова, и премудрые речения, и гадания, и различные обороты речи (Притч. 1: 6), – только пришедшим уже в возраст, способным к слушанию совершеннейших уроков возможно восхождение и до сего возвышенного и богодухновенного писания. Посему, если притча и упражнение, приуготовляющее нас к сим урокам, суть нечто трудное и неудобозримое, то сколько надобно труда, чтобы самим вникнуть в сии возвышенные мысли, предлагаемые нам теперь для обозрения?» [19, с. 4–5].

С какой стороны подступиться нам к уразумению книги? Можно попробовать использовать прием, сходный с тем, который мы использовали при разборе Книги притчей. Сам автор дает нам для этого несколько подсказок. Он предваряет книгу небольшим вступлением следующего содержания: «*Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки.*

Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но [это] было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (1: 2–11).

Сразу заметим, что эти утверждения о суете, о пользе, о незыблемости земли, об отсутствии памяти и новизны входят в противоречие с уже известным нам библейским учением, что не может не настораживать. Можно заподозрить, что с их помощью Екклесиаст привлекает наше внимание к чему-то важному. Однако двинемся по порядку. Первые две фразы содержат в себе упоминание суеты и вопрос о пользе трудов. Возьмем их в качестве основы нашего исследования, предположив, что Екклесиаст с их помощью указывает нам путь к пониманию смысла своей книги. Первый указатель – время от времени выносимый вердикт о том, что обсуждаемое суета. Второй – вопросы, которые он на протяжении всей книги задает, обращаясь одновременно сам к себе и к читателю.

Суету святитель Григорий Нисский определяет так: «...суета есть или не имеющее мысль слово, или бесполезная вещь, или неосуществимый замысел, или не ведущее ко Отцу чаяние, или вообще что-либо, не служащее ни к чему полезному» [19, с. 8].

Заявление Екклесиаста, что все суета, видимо, является провокацией, вызывающей у читателя подспудное сопротивление и желание разобраться. Для этого удобно собрать в единый список все то, что он связывает с суетой. Проделав это (здесь стоит не полениться, так как дальнейшее рассуждение будет строиться с небольшим количеством цитат и не может передать всех оттенков смысла богодухновенного библейского текста), мы сможем обнаружить следующее. Круг явлений, расцениваемых автором как суета, не столь велик, как может показаться. Он сразу уточняет, что суетны все дела (труды), делающиеся под солнцем (1: 14; 2: 11). От них нет пользы. Далее Екклесиаст постепенно разъясняет почему. Труды сопровождаются многими лишениями и скорбями (2: 23). В случае успеха человека преследует зависть со стороны ближних, к утомлению от трудов присоединяются испорченные отношения и одиночество (4: 4). Душа его тем самым «не насыщается», насыщается только чрево (6: 7), а серебро и богатство сами по себе и несъедобны (5: 9). Кроме того, даже если труды результативны, человек не может воспользоваться ими в полной мере, поскольку смерть лишает его всех владений, они достанутся кому-то

другому, кто не трудился, и может быть вообще человеком недостойным (2: 18–19; 2: 21; 2: 26; 4: 7–8; 6: 2).

Здесь тема суеты пересекается с темой смерти. Люди, которые столько трудятся под солнцем, перед лицом смерти (впрочем, не только, но и при жизни, если они существуют *«сами по себе»*, то есть без Бога) оказываются уравненными с животными (3: 19–20). То, чем утешают себя не признающие вечной жизни, не вдохновляет Екклесиаста. Он уверен в том, что потомкам не будет большого дела до свершений того, кто был до них. В большинстве своем они будут забыты в веках, равно как и плоды их трудов. Даже мудрость ничем тут не поможет, и приобретший мудрость не получает здесь никакого преимущества перед глупцом (2: 15–16; 4: 13–16). Ни торжественные похороны, ни воздвигаемые монументы не могут тут ничего изменить (8: 10).

Попытки не думать об этом, забыться в веселье – тоже суета (2: 1; 7: 5–6). И детство, и юность, и долголетняя жизнь, казалось бы отдаляющие этот итог, также попадают у Екклесиаста в разряд суеты (11: 8–10).

Также суетой называет Екклесиаст известный факт, так бурно обсуждавшийся в Книге Иова – иногда в земной жизни *«праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников»* (8: 14).

Нет смысла в приобретении мудрости, получается, что *«лучше видеть глазами, нежели бродить душою»*, то есть стремиться к тому, что видят глаза, «реальным вещам» а не к мечтаниям, к которым влечется душа. Но: *«И это – также суета и томление духа!»* (6: 8–9).

Таким образом, безрадостной выглядит жизнь человека на земле, если здесь предел его существования. *«Много таких вещей, которые умножают суету: что же для человека лучше? Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?»* (6: 11–12).

Перейдем теперь к вопросам. Их можно сгруппировать вокруг нескольких тем:

Какую пользу получает человек от своего труда на земле? (1: 3; 2: 22; 3: 9; 5: 15; 6: 11). (Не забыть об определении Адаму.)

Может ли быть придуман еще какой-то род деятельности, доселе неизвестный, который мог бы дать надежду нечто приобрести? (2: 12; 6: 11–12).

Является ли для человека обладание богатством благом или только источником скорби и беспокойства? (5: 10).

Кому достанутся все результаты труда? (2: 18–19; 4: 8; 5: 15).

Может ли кто-то получить результат без участия Бога? (2: 24–25).

Что будет после смерти человека, чего ему ожидать, исполнятся ли на земле его чаяния, ради которых он трудился? (3: 22; 6: 12; 8: 7; 10: 14).

Жива ли душа после смерти, или участь человека та же, что и животного? (3: 21).

К чему мудрость, если земная участь мудрого и глупого одна и та же? (2: 15; 6: 7–8).

Может ли кто-то постичь смысл вещей и событий? (7: 24; 8: 1).

Нетрудно увидеть здесь перечень тех же самых проблем, с которыми мы познакомились при рассмотрении суеты дел человеческих. Что же дальше? Разве Бог не участвует в делах этого мира? Заявляя, что все суета, не бросает ли Екклесиаст упрека Творцу всяческих? Посмотрим, что он говорит об этом.

Придя через рассмотрение дел человеческих к выводу, что *«нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем»* (8: 15), он делает существенное уточнение: *«И если какой человек ест и пьет, и видит доброе во всяком труде своем, то это – дар Божий»* (Еккл. 3: 13). *«Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и усладить душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией; потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него?»* (Еккл. 2: 24–25). Заметим, однако, что не пища и питье составляют награду праведного. *«Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы [после] отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа!»* (Еккл. 2: 26). Вот, оказывается, чей удел суета.

Здесь уместно привести евангельские слова: *«Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту [хотя] на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний [сам] будет заботиться о своем: довольно для [каждого] дня своей заботы»* (Мф. 6: 26–34). Неслучайно, наверное, здесь звучит имя Соломона.

Екклесиаст дает парадоксальный совет, не покоряться мирскому мудрованию, не собирать, но, наоборот, расточать, давать милостыню: *«Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его»* (Еккл. 11: 1). Рассмотрение суетности человеческих занятий позволяет ему убедить читателя не прилепляться к ним сердцем. Святитель Григорий Богослов говорит об этом так: *«“Видех всяческая”,* говорит Екклесиаст, *обозрел я мыслию все человеческое, богатство,*

роскошь, могущество, непостоянную славу, мудрость, чаще убегающую, нежели приобретаемую; неоднократно возвращаясь к одному и тому же, рассмотрел опять роскошь, и опять мудрость, потом сластолюбие, сады, многочисленность рабов, множество имения, виночерпцев и виночерпиц, певцов и певиц, оружие, оруженосцев, коленопреклонения народов, собираемые дани, царское величие, и все излишества и необходимости жизни, все, чем превзошел я всех до меня бывших царей: и что же во всем этом? *“Все суета суетствий, всяческая суета и произволение духа”* (Еккл. 1: 14), то есть какое-то неразумное стремление души и развлечение человека, осужденного на сие, может быть, за древнее падение. Но *“конец слова”*, говорит он, *“все слушай, Бога бойся”* (Еккл. 12: 13); здесь предел твоему недоумению. И вот единственная польза от здешней жизни – самым смятением видимого и обуреваемого руководиться к постоянному и незыблемому» [14, т. 1, с. 171–172].

Труды человека на земле не суть часть замысла Божия, но вынужденная воспитательная мера после грехопадения. *«Что пользы работающему от того, над чем он трудится? Видел я эту заботу, которую дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в том»* (Еккл. 3: 9–10, ср. Быт. 3: 16–23). *«И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем»* (Еккл. 2: 20). Освободив сердце от попечений, он для себя избирает другое занятие, которое легко давалось Адаму в раю (Быт. 2: 19–20), но стало трудным после изгнания. *«И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем»* (Еккл. 1: 13). Вот путь постижения тайн Божиих – не рассудком, но сердцем, не рассуждением, но созерцанием.

«Когда я обратил сердце мое на то, чтобы постигнуть мудрость и обозреть дела, которые делаются на земле, и среди которых [человек] ни днем, ни ночью не знает сна, – тогда я увидел все дела Божии и [нашел], что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть [этого]» (Еккл. 8: 17).

И все же есть нечто главное, что открыто человеку. *«Все соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца»* (Еккл. 3: 11). Не Бог источник суеты. *«Только это я нашел, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы»* (7: 29). *«Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы»* (7: 20), даже богослужение человек может сопрячь с суетой, забывая его смысл: *«наблюдай за ногою твоею, когда идешь в дом Божий, и будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению; ибо они не думают, что худо делают»* (Еккл. 4: 17).

Бог все устроил разумно и добро, но люди не пошли прямым путем. Тогда Бог ради их спасения искривил их пути (Быт. 3: 16–23), чтобы исправить человека, вернуть его к славе, уготованной ему от начала. И даже тварь ради сынов Божиих покорилась суете (Рим. 8: 20). *«Смотри на действие Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым? (слав.: «кто может украсить, его же аще Бог превратит» – Еккл. 7: 13, ср. 1: 15).* Вот пример такой «кривизны» – превратности: *«Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него. Всего насмотрелся я в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живет долго в нечестии своем»* (Еккл. 7: 14–15). Пути премудрости непостижимы, поэтому попытки человека навести порядок, украсить, «выпрямить» жизнь, к хорошему не приведут скорее сделают кривое еще кривее. Здесь мы снова возвращаемся к одной из тем Книги Иова.

И все же Екклесиасту открыто, что пути праведного и нечестивого отличаются. *«Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло. Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нем, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицом Его; а нечестивому не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом»* (Еккл. 8: 11–13). Екклесиаст твердо знает, что *«праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и суд над всяким делом там»* (Еккл. 3: 17), и неустанно напоминает и себе, и читателю, что *«человек не властен над духом, чтобы удержатъ дух, и нет власти у него над днем смерти, и нет избавления в этой борьбе, и не спасет нечестие нечестивого»* (Еккл. 8: 8).

Чтобы очистить сердце, человек должен помнить о часе смертном. *«Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения. Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира; ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к своему сердцу. Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья»* (Еккл. 7: 1–5). Поэтому *«если человек проживет и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях темных, которых будет много: все, что будет, — суета! Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд»* (Еккл. 11: 8–9).

Время суда по описанию Екклесиаста (12: 1–7) можно соотнести только со временем смерти человека, так и с концом мира, именно так объясняет этот текст свт. Ипполит Римский [см. 33, с. 125]. Тогда всем откроется, что суета и неправда сынов человеческих не может победить замысел Божий о мире: *«Познал я, что все, что делает Бог, пребывает вовек: к тому нечего*

прибавлять и от того нечего убавить, – и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его. Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог воззовет прошедшее» (Еккл. 3: 14–15). Подлинно и неизменно только то, что от Бога и действует в согласии с Его волей. Мир же без Бога, замкнутый сам на себя, не дает ни малейшей надежды дать утешение своему приверженцу.

Таким образом, Екклесиаст напоминает нам то, с чего он начал рассуждение, окончательно опровергнув свои заявления о том, что земля стоит вовек, на ней нет и не будет ничего нового, а все что было – забудется. У Бога ничего не забыто, все, Им сделанное, пребывает вовек, земля прейдет, а Он *воззовет прошедшее*, то есть восстановит тварь в ее первоначальной красоте, доброте и славе, ничто доброе, совершившееся на земле не будет забыто или утрачено. Это и есть «вечная память».

В середине книги Екклесиаст говорит: *«Во множестве слов, – много суеты; но ты бойся Бога»* (Еккл. 5: 6). И в конце он подводит краткий итог всему сказанному: *«А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела. Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо»* (Еккл. 12: 1–14, ср. 3: 17; 11: 9; 2 Кор. 5: 10). К этому выводу мы уже хорошо подготовлены.

Святитель Афанасий Великий кратко суммирует содержание книги так: *«Предавшись умозрениям о каждом виде сотворенных существ, Соломон пришел к заключению, что исследования этого рода ни к чему не приводят и доставляют человеку только труд; премудрым и праведным становится человек не от знания, но от деятельной жизни. И елика аще речет мудрый уразумети, не возможет обрести: тем же все сие вдах в сердце мое, и сердце мое все сие виде (8: 17); яко праведнии и мудрии, и делание их в руце Божии (9: 1)*. Посему, оставляя исследования о сем, Соломон обращается к рассмотрению человеческой жизни, наблюдает различные обстоятельства, среди которых люди вращаются и приходит к заключению, что и здесь все управляется Божиим Промыслом: *ни легким течение, ниже сильным брань, ниже самому мудрому хлеб, ниже разумным богатство, ниже ведущим благодать: яко время и случай случится всем им (9: 11)*. И никто не может располагать сими случаями по своей воле: *яко кто человек, иже пойдет в след совета, елика сотвори в нем (2: 12)*. Человек в своей жизни ни над чем не имеет власти, разве только делать зло или делать добро и готовить во исход дела свои. *Ибо и еже яст и пьет, сие даяние Божие есть (3: 13)*. Итак, и исследование о том, как произошло все видимое, и приобретение сокровищ и наслаждение удовольствиями, вся сия суета суетствий и более ничто же, только излишество совета и произволения усилование. Но, говоря о суетности настоящего, Соломон тем самым показывает вечность будущего, увещывая памятовать о вечных, и знать, что будет некогда кончина мира, в день, *воньже подвижутся мужие силы, и упразднятся мелющие (12: 3)*.

Соломон говорит и о том, что последует за кончиною мира: *яко все творение приведет Бог на суд о всяком прегрешении, аще благо, и аще лукаво* (12: 14). Упомянув о будущем суде, Соломон указывает на воскресение мертвых и воздаяние по делам» [цит. по 57, с. 74].

В завершение нужно заметить, что все предыдущее объяснение практически не выходило за рамки буквального. Но не будем забывать и о духовном, аллегорическом толковании. Именно так разъясняли эту книгу святитель Григорий Нисский, блаженные Иероним Стридонский и Феодорит Кирский, другие толкователи. Они говорят, что Книга Екклесиаста содержит не только предостережение от дружбы с миром и увещания к добродетельной жизни. В приточной форме книга открывает и то, в чем эта жизнь состоит. Ограничусь лишь несколькими примерами.

Знаменитые слова: *«Кто умножает познание, умножает скорбь»* (Еккл. 1: 18) святитель Григорий толкует таким образом: для того чтобы приобрести премудрость, и приблизиться к Богу, от человека требуется подвиг, при совершении которого его постигают скорби и различного рода страдания; но когда премудрость приобретается, то вслед за апостолом Павлом он может даже похвалиться этими скорбями (Рим. 5: 3).

Не менее известные слова: *«Всему свое время: <...> время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий <...> время раздирать, и время шивать <...> время любить, и время ненавидеть...»* (Еккл. 3: 1–8). Святитель Григорий объясняет так, что под камнями следует понимать целомудренные слова Священного Писания, которыми мы отгоняем от себя различного рода злые помыслы. «Без сомнения подлежит уразуметь, что убийственные для порока помыслы, те метко бросаемые из пращи екклесиастовой камни, которые всегда надобно и бросать, и собирать. Бросать к низложению того, что высится против нашей жизни, а собирать, чтобы лоно души всегда было полно таких заготовлений и иметь нам под руками, что бросить на врага, если когда против нас иначе измыслит кознь» [19, с. 116].

Изучение использования слова объятия в других местах Писания показывает, что оно не всегда употребляется в прямом значении. Например, в Псалтири говорится: *«обьидите Сион и обьимите его»* (Пс. 47: 13). Сион – это гора, и обнять ее сложно, поэтому святитель Григорий говорит, что здесь требуется аллегорическое толкование, «поэтому советуемый тебе обнять его повелевает быть приверженным к высокой жизни, чтобы достигнуть самой твердыни добродетели, которую Давид загадочно означил именем Сиона, а *время удаляться от объятий* говорит о том, что тому, кто освоился с добродетелью, свойственно чуждаться сношений с пороком» [19, с. 118]. Желающим более подробно ознакомиться с таинственным смыслом книги надлежит обратиться к соответствующим творениям святых отцов.

22.3. Порядок книг Соломоновых

Прежде чем мы перейдем к изучению книги Песнь песней, следует остановиться на вопросе о том, случаен ли порядок книг Соломоновых в Писании, и если нет, то чем он обусловлен. Толкователи, склонные только к буквальному пониманию текста, высказывают мнение, что книгу Песнь песней (о любви) Соломон написал в молодости, Притчи (плод жизненного опыта) – в зрелости, а Екклесиаст был уже старческим подведением итогов и разочарований. Однако в Священном Писании мы видим другой порядок, который подсказывает нам необходимость иного объяснения, более соответствующего духовному смыслу Писания.

Для начала приведу высказывание преподобного Исидора Пелусиота. Он пишет в одном из посланий:

«Поскольку желал ты знать о порядке трех Соломоновых книг, то знай, что одна учит нравственной добродетели, другая показывает суетность труда увлекающихся житейским, а последняя – любовь к Божественному в душе, обученной сказанному выше. Посему и расположены книги сии одна на первом, другая на втором и последняя на третьем месте. Кто, став учеником приточника, преуспел в нравственности, тот, приступая к Песни Песней, не поползнется уже в любовь плотскую и обычную, но воспарит к Пречистому и Божественному Жениху, Который соделывает блаженными уязвленных к Нему любовью.

Посему, советую молодым людям касаться третьего писания не прежде, чем преуспев уже в двух первых. Ибо и по таинственным уставам непристойно, лучше же сказать, безрассудно проникать во святилища недостойным еще и преддверий.

Как в ветхозаветном храме внешний двор доступен был всем, а внутреннее Святое, окруженное преградами и доступное некоторым, недоступно было неосвященным и нечистым, во внутренность же Святого и во Святая Святых не дозволялось входить даже имевшим безукоризненную жизнь, кроме одного архиерея, как освятившего себя на это и сложившего с себя всякую смертную скверну, так и молодым людям надлежит вести себя и в отношении сих книг. Сперва им надлежит украситься доблестью нравов и тогда уже касаться недоступного многим. Ибо если те, которые должны оставаться вне ограды, не будучи посвящены, безрассудно с усилием приступят к божественному тайнодействию, то понесут крайнее наказание» [37, ч. 2–3, с. 335].

Итак, изучение каждой из трех книг требует все большего очищения. Но, как замечает преподобный Исидор, книги Соломоновы сами руководят человека к очищению и возрастанию в добродетели. Именно с этих позиций объясняет порядок их расположения святитель Григорий Нисский.

Он говорит, что духовная жизнь, по подобию телесной, имеет свои возрасты в становлении добродетели, начиная с младенческого. И эти возрасты отражены в писаниях Соломона. Как разным возрастам человеческой жизни соответствуют разные виды деятельности, «так и в

душе можно видеть некоторое сходство с телесными возрастами, по которым сыскивается некоторый порядок и последовательность, руководящие человека к жизни добродетельной. Посему-то иначе обучает притча, и иначе беседует Екклесиаст, любомудрие же Песни Песней высокими учениями превосходит и Притчи, и Екклесиаста. Ибо учение, преподаваемое в Притчах, обращает речь еще к младенчеству, соразмерно с возрастом соображая слова. *“Слыши, сыне, – говорит оно, – законы отца твоего, и не отрини завета матери твоея”* (Притч. 1: 8). Усматриваешь ли в сказанном еще нежность и необразованность душевного возраста, почему отец видит, что сын имеет еще нужду в материнских заветах и в отеческом вразумлении? И чтобы ребенок охотнее слушал родителей, отец обещает ему детские украшения за прилежание к учению; ибо детям приличное украшение – золотая цепь, блестящая на шее, и веноч, сплетенный из каких-нибудь красивых цветов. Но, конечно, следует разуметь сие, чтобы смысл загадки мог путеводить к лучшему. Так Соломон начинает описывать сыну Премудрость, в разных чертах и видах объясняя благообразие несказанной красоты, чтобы к причастию благ возбудить не страхом каким и необходимостью, но вожделением и любовью, потому что описание красоты привлекает как-то пожелания юных к указанному, возбуждая стремление к общению с благообразным. Посему, чтобы паче и паче возрасало в нем вожделение, из вещественного пристрастия превратившись в невестественный союз, красоту Премудрости украшает похвалами» [15, с. 18–20].

«После сего начинает Соломон приуготовлять юношу к таковому сожителству, повелевая ему иметь уже в виду божественное брачное ложе. <...> Сим и подобным сему воспламенив вожделение в юном еще по внутреннему человеку, и представив в слове самую Премудрость повествующею о себе, чем наиболее привлекает она любовь слушателей, говорит при том, между прочим, и сие: *“аз любящая мя люблю”* (Притч. 8: 17), потому что надежда быть взаимно любимым сильнее располагает любителя к вожделению, а вместе с сим предлагая ему и прочие советы в каких-то решительных и вместе неопределенно выраженных изречениях, и, приведя его в совершенство, потом в последних притчах, в которых восписал похвалы он доброй жене, ублажив сие доброе сожителство, наконец, уже присовокупляет в Екклесиасте любомудрие, предлагаемое достаточно приведенному в вожделение добродетелей приточными наставлениями. И в этом слове, похулив приверженность людей к видимому, все непостоянное и преходящее назвав суетным, когда говорит: *“все грядущее суета”* (Еккл. 8: 11), – выше всего, восприемлемого чувствам, поставляет врожденное движение души нашей к красоте невидимой, и, таким образом очистив сердце от расположения к видимому, потом уже внутрь божественного святилища тайноводствует ум Песнею Песней, в которой написанное есть некое брачное уготовление, а подразумеваемое – единение души человеческой с божественным. Посему,

кто в притчах именуется сыном, тот здесь представляется невестою; Премудрость же поставляется на место жениха, чтобы уневестился Богу человек, из жениха став непорочно девою и, прилепившись ко Господу, соделался единым с Ним духом чрез срастворение с пречистым и бесстрастным, и из тяжелой плоти пременявшись в чистый дух» [15, с. 22–24].

22.4. Песнь песней Соломона

Эта книга, наверное, одна из самых таинственных во всем Ветхом Завете. Но и одна из самых соблазнительных, поскольку образы там настолько яркие и, можно сказать, чувственные, что человек, который не вполне еще очистил свое сердце от страстей, может быть приведен в немалый соблазн и смущение. Тем более что в ней ни разу не упоминается имя Божие, ничего не говорится о храме, о вере, о молитве – только некие юноша с девушкой друг о друге воздыхают и описывают один другого в разных восторженных выражениях. Что же делает это произведение в каноне Священного Писания?

Попробуем ответить на этот вопрос. Однако сначала отметим, что перечисленными выше вопросами не исчерпываются трудности, встающие на пути буквального толкования Песни песней. Помимо того что в ней нет никаких религиозных тем, она очень странная с точки зрения формы. Это книга без начала и конца – она начинается с полуфразы: *«Да лобзает он меня лобзанием уст своих»*; точно так же как и обрывается непонятно на чем: *«Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических»* (Песн. 8: 14). Куда беги, зачем? Персонажи не обозначены, непонятно, кто с кем разговаривает: то вдруг возлюбленный – царь, то – пастух. Возлюбленная то сторожит виноград, то пасет овец, то она – царица в Иерусалиме, то ее вдруг стражники избивают. Поэтому существует большое количество различных объяснений: то ли это просто Соломон и его невеста, то ли это одна невеста, Соломон и пастух, между которыми эта невеста мечется. А возможно, это один Соломон и две его возлюбленных: одна – царица, а вторая – пастушка. В этом смысле эта книга – находка для исследователей, можно всю жизнь открывать что-то новое.

Попытки назвать Песнь песней сборником ветхозаветных брачных гимнов разбиваются о соображение, высказанное одним современным автором: *«Можно ли себе представить, чтобы свадебные гимны древнего Израиля совершенно игнорировали Бога, когда известно, что брачные церемонии евреев включали в себя “благословения Божии” новобрачным и их дому?»* [51, с. 115].

Для полноты картины сошлюсь на одно пособие для переводчиков Библии: *«Песнь Песней представляет собой уникам во всем Писании, и нет ничего, даже отдаленно напоминающего ее. Это – лирическая поэма, но это вместе и диалог, и монолог, хотя, опять же, и эти термины не подходят; указания лиц, произносящих те или иные слова в Песни Песней, отсутствуют; в ней есть*

драматические черты, но это – не драма; в ней нет никакого движения. Язык у нее совершенно особый и крайне трудный, но это – не литературное произведение: постоянно мы находим в ней существительные мужского рода, сопровождаемые прилагательными женского рода или глагольным окончанием, употребляющимся в отношении женского рода, и – наоборот: существительные женского рода, сопровождающиеся прилагательными мужского рода; или – существительные в единственном числе, а сопровождающие их глаголы во множественном, и наоборот» [цит. по 51, с. 107–108]), – в синодальном переводе текст «приглажен», и почувствовать эту специфику невозможно.

В нашей церковной жизни есть один момент, который сразу приходит на память при чтении этой книги. Это пасхальная служба в большом, многопричтовом храме. В Москве существует традиция, в соответствии с которой во время пасхальной службы духовенство переодевается при каждении на каждой песни канона в ризы разных праздничных цветов, поскольку Пасха – праздников праздник. Пасхальная служба в таком переполненном народом храме, когда кто-то куда-то спешит, машет кадиллом, меняется свечами, несколько хоров друг друга невольно сбивают и так далее, – все это выглядит некоторым скандалом на фоне нашего северного, статичного благочестия. Я уже не говорю о тех проявлениях ликования, которые приходится наблюдать на Пасху в храме Воскресения в Иерусалиме. Вы, наверное, обращали внимание на то, как трудно согласовать описания явлений воскресшего Спасителя, приводимые разными евангелистами? В этом чувствуется уже пасхальное преодоление пространственно-временной ограниченности земного бытия. Можно сказать, что сумбурная на первый взгляд форма Песни песней и должна являть такое пасхальное торжество. Кстати, и в ветхозаветные времена было установлено читать эту книгу именно на Пасху.

Связь нам раскрывают святые отцы. Святитель Амвросий Медиоланский говорит, что «Книга Песнь Песней представляет собой брак и единение между Христом и Церковью, между несотворенным Духом и тварью, между плотью и духом. В этой книге не будем искать ничего земного, ничего плотского, ничего мирского, ничего телесного, – ничего без глубокого значения или подвергшегося изменению» [цит. по 51, с. 106]. Почему же об этом говорится в таких странных выражениях? Потому что сам по себе предмет странен и даже безумен: соединение Бога-Творца и твари. По этой причине, по слову святителя Афанасия Великого, «отличие сей книги то, что она от начала до конца написана таинственно, со иносказанием гадательным, и смысл догматов, заключающихся в ней, содержится не в букве, но глубоко сокрыт под нею» [цит. по 57, с. 80].

В законоположительных и исторических книгах отношения человека и Бога предстают как договорные, регулируемые некоторыми взаимными обязательствами. Отсюда и представление о грехе, отпадении от Бога приобретает юридический оттенок. Грех есть нарушение договора, за

которое Бог налагает на человека различные взыскания. Эта схема крайне ограничена, она не дает адекватного изображения реальности. Наиболее подходящими в человеческом языке для описания отношений человека и Бога оказываются образы любви и брака: жених и невеста, брачный пир, отношения любящих. Всякое отступление от этих отношений есть попрание любви, что делает его крайне тяжелым и гораздо более трагичным, чем простое нарушение договора. Как мы увидим в дальнейшем, эти образы широко используются в пророческих книгах. В Евангелии Иоанн Предтеча говорит о себе: я «друг Жениха» (Ин. 3: 29), женихом называя Христа. И Сам Христос говорит: «*могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?*» (Мк. 2: 19), – называя Себя Женихом; а Царство Небесное уподобляя брачному пиру сына царя (Мф. 22: 2–14). Апостол Павел пишет к коринфянам: «*я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистой девою*» (2 Кор. 11: 2) – и, говоря о брачном союзе, добавляет: «*Тайна сия велика: я говорю по отношению ко Христу и к Церкви*» (Еф. 5: 32).

Исходя из этого, можно заключить, что главная цель книги Песнь песней – описать, насколько возможно, этот союз Христа и Церкви. На протяжении всей книги жених совершенен, притом что в возлюбленной сначала усматриваются недостатки. «*Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня*» (Песн. 1: 5). Но уже в середине о ней говорится: «*Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!*» (Песн. 4: 7). Эти слова явно перекликаются со сказанным апостолом Павлом: «*Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна*» (Еф. 5: 25–27).

Не имея здесь возможности заняться последовательным объяснением книги, приведем описание подхода, предложенного святителем Афанасием Великим: «Отличие сей книги то, что она от начала до конца написана таинственно, со иносказанием гадательным, и смысл догматов, заключающихся в ней, содержится не в букве, но глубоко сокрыт под нею... Вся сия книга наполнена разговорами ветхозаветной Церкви со Словом, всего рода человеческого со Словом и церкви из язычников с Ним же, и опять Слова с нею и с родом человеческим; потом разговор язычников с Иерусалимом, и Иерусалима о церкви языческой и о самом себе. Далее воззвание служащих ангелов к призванным в веру людям... Приспособляясь к таким разговорам в Песне Песней, может каждый, рассматривая сию книгу, сочетать по смыслу сходные между собой происшествия» [цит. по 57, с. 80]. Кратко этот же подход формулирует Д. Афанасьев: «В таинственном смысле предмет Песни Песней составляет пророческое учение о развитии и жизни общества верующих в союзе с Богом и под Его непосредственным водительством» [7, с. 255].

Второе понимание, которое с первым неразрывно сопряжено, – аскетическое. Об отношении Христа с отдельной человеческой душой, по другому выражению — Слова и плоти при воплощении, как с частью Церкви, как с малой Церковью, как с храмом Божиим, отдельно взятым. В аскетической литературе эта тема часто присутствует: в искании невестой своего Жениха и в томлении по Нему святые отцы видят изображение стремления души к Богу.

Например, в книге есть такие слова: *«Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему <...> отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его... Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены»* (Песн. 5: 5–7). В аскетическом ключе эти слова могут быть объяснены так: это невеста (душа) вполне уже приготовилась к приходу Небесного Жениха, но выясняется, что все равно душа человеческая никогда вполне сама по себе своими усилиями не готова к тому, чтобы принять в себя Бога, чтобы соединиться со Христом, что это дело несколько превышающее естество человеческое; поэтому, бросаясь на поиск снова как бы отступившего Бога, встречает ангелов, которые укоряют ее, говоря о том, что и они вполне не могут соединиться с Богом, не могут вполне воспринять это непостижимое естество и еще более помогают ей совлечься от всего тленного. Неочевидно? Не дойдя до определенного уровня созерцания и рассуждения, довольно небезопасно пускаться в исследования этой книги.

Преподобный Макарий Египетский по этому поводу говорит: *«Когда случается тебе слышать об общении жениха с невестой, о хорах певцов, о праздниках, то не представляй ничего вещественного и земного. Это берется только в пример по снисхождению, поелику те вещи неизреченны, духовны и неприкосновенны для плотских очей, но подходят под понятия только души святой и верной. Общение Святого Духа, небесные сокровища, хоры певцов и торжества святых Ангелов понятны только для человека, познавшего сие самым опытом, а не испытавший не может вовсе и представить себе этого»* [цит. по 76, т. 1, с. 226].

В книге есть ряд выражений, которые известны всем, кто знаком с православной аскетической традицией. *«Аз сплю, а сердце мое бдит»* (Песн. 5: 2), показывающее состояние души праведника, вошедшей в общение с Богом, стяжавшей благодать и дар непрестанной молитвы, не прекращающейся даже во время сна. *«Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность»* (Песн. 8: 6). Михаил Псёлл на основании толкования преподобного Максима Исповедника говорит, что совершенная любовь ко Христу полагает конец всякому греху и всякой нечистоте в человеке, точно так же как это делает смерть, с такой же непреложностью и

неотвратимостью, а божественная ревность (ср. Иак. 4: 5) наподобие ада удерживает неразумные стремления [см. 51, с. 262].

Выше уже приводились слова преподобного Исидора Пелусиота, сопоставлявшего Песнь песней со Святым Святых в храме Соломона. Совершенно явно и структурное сходство названий. Не было в храме более внутреннего, более драгоценного, более таинственного места: Святое Святых – дальше уже ничего. Точно так же и Песнь песней. Много было песен: и Мариам-пророчица воспела песнь при переходе чрез Чермное море, и Моисей воспевал песни, но это все еще в пустыне; а вот Песнь песней – то, чем все это должно получить свое завершение, после этого уже песни никакой быть не может. Святитель Афанасий Великий в своем Синописе говорит, что «Песнию Песней сия книга именуется потому, что она следует после других песней, и что после сей песни нельзя ожидать другой песни. Говоря о другой песни, я имею в виду не книгу, но то, что надлежит уразуметь о книге. Я скажу о сем яснее. Все Божественное Писание пророчествует о сошествии к нам Слова и явлении Его во плоти. Это составляет особый предмет воли Божией, и предвозвещение о том было преимущественным делом пророков и всего Божественного Писания. Все сии пророчества суть песни; Песнь же Песней как бы уже не пророчествует или предсказывает, но и показывает Того, о Котором другие предвозвещали, как бы уже пришедшим и принявшим плоть человеческую. Сего ради, аки на браце Слова и плоти чертога песнь поет Песнь Песней. Хотя и другие книги Св. Писания говорят о Спасителе, но, вместе с тем, они содержат и нечто другое; сия же книга едина точию Слова с плотью союз поет. В других Писаниях, как содержащих, кроме учения о Слове, и нечто другое, есть словеса гнева и прещения страха, а сия книга, как воспевающая одно только пришествие Слова, имеет одни лишь словеса услаждения, радости же и веселия, потому что в присутствии жениха всем радоваться достоин и никомуже плакати, якоже Сам Господь рече (Мф. 9: 15). Посему, как после домостроительства, совершенного Спасителем, мы уже не ожидаем пророка, так и после того, что обозначено в Песни Песней, не должно ожидать другого чего-нибудь, новейшее нечто знаменующего. Подобно тому, как закон и пророки престали после того, как Иоанн Креститель указал Агнца Божия, так и воспетое в Песни Песней есть вершина того, что в ней воспето, не должно ожидать ничего другого. Чего бы иного по Христове пришествии ожидать достоин, разве суда и воздаяния? Как в законе было святое, и за святым – святое святых, а за святым святых уже не было внутреннейшего места, так после песней еще есть Песнь Песней, а после Песни Песней уже не должно ожидать внутреннейшего и новейшего обетования, ибо единою Слово плоть бысть и соверши дело» [цит. по 57, с. 78–80].

Значит, Песнь песней представляет исполнение того, что изложено в прочих книгах Ветхого Завета, и поэтому остается ждать только Второго пришествия Христова. В этой связи неожиданная параллель для вызвавшей

недоумение последней фразы книги – *«Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!»* (Песн. 8: 14) – обнаруживается в Откровении св. Иоанна Богослова. *«Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!»* (Откр. 22: 20). Есть несколько мест в Ветхом Завете, которые неожиданно подводят нас к апокалиптическому рубежу, к самой последней главе Откровения. Одно из таких мест – это книга Песнь песней.

Глава 23. Неканонические учительные книги

Среди учительных книг имеются две неканонические. Неканонические книги не являются богодухновенными, но признаются превосходящими иные человеческие писания и высоко назидательными.

23.1. Неканоническая книга Премудрости Соломона

Книга Премудрости Соломона была, очевидно, изначально написана на греческом языке, цитаты из других книг Ветхого Завета приводятся в ней по версии Септуагинты, что говорит о ее позднем происхождении.

По-видимому, эта книга написана была человеком, имевшим эллинистическое образование, которым в то время славилась Александрия, где была достаточно большая иудейская община. Проявляется это, в частности, в том, что автор использует философские термины и прибегает к последовательным логическим рассуждениям, что нехарактерно для учительных книг Библии.

Книга неканоническая, поэтому в ней можно встретить утверждения, не вполне корректные с точки зрения церковного учения. Например, выражение *«чистое изливание славы Вседержителя»* (Прем. 7: 25) созвучно философскому учению об эманациях. *«Не невозможно было бы для всемогущей руки Твоей, создавшей мир из необразного вещества»* (Прем. 11: 18), – из этих слов остается неясным, откуда это вещество взялось. Не вполне точна книга и в изложении исторических событий.

Святитель Иоанн Златоуст говорит о ней следующим образом: *«Эта книга называется премудростью Соломоновой, потому что, как говорят, она написана Соломоном. В ней содержатся учения о правде, о том, как узнавать людей злых и добрых, и пророчество о Христе. Также о том, что мудрость приобретается великим трудом и усердием. Еще говорится о некоторых произведениях природы, об идолах и их делателях, о надеющихся на них и служащих им. Кроме того, здесь находится песнь с исповеданием чудес, совершенных Богом для израильтян пред лицом врагов их»* [29, т. 6, с. 671–672].

Книга может быть условно разбита на три части [см. 23, кол. 137–138]. Первая часть (главы 1–6), в уподобление Книге притчей Соломоновых, содержит увещания к приобретению мудрости и добродетели,

противополагая человека премудрого и глупого, премудрого и нечестивого, праведника и грешника.

Во второй части (главы 7–9) излагается учение о премудрости как таковой: что такое премудрость и каковы ее действия в мире и в людях вообще.

В третьей части (главы 10–19) рассматриваются примеры действия премудрости в истории, каким образом премудрость от сотворения мира наставляла людей во всех путях жизни людей благочестивых и как наказывала, обличая с кротостью и долготерпением, людей нечестивых, особенно язычников. В качестве материала для этой третьей части берутся библейские истории, начиная от сотворения мира и кончая временем исхода. Особенное внимание уделено казням египетским, в связи с которыми приводится подробное тщательное обличение идолопоклонства, языческих представлений о судьбе и тому подобное.

Учение о премудрости. Наиболее важной с точки зрения учения о премудрости для нас является седьмая глава. Комментируя ее, святитель Иоанн Златоуст говорит: «О Христе же говорится и далее: от премудрости Божией я получил ведения всего: *«в руке Его и мы и слова наши»* (7: 16). Потом – какова эта премудрость, и как она пришла к людям: *«она — одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет»* (7: 27). Эту премудрость, – говорит, – я и возлюбил от юности моей и получил от нее все блага телесные и духовные. Познав величие премудрости, я просил Господа, чтобы мне дан был Дух Святой, просвещающий меня в ней» [29, т. 6, кн. 2, с. 672].

Мы говорили выше, что особенность библейского изображения премудрости состоит в ясных указаниях на ее ипостасность. В книге Премудрости Соломона это менее очевидно. Премудрость в ней выступает скорее как божественная сила. Прочитаем процитированный святителем фрагмент целиком: *«Познал я все, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. Она есть дух разумный, святой, единородный, многочастный, тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, невредительный, благолюбивый, скорый, неудержимый, благодетельный, человеколюбивый, твердый, непоколебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие души»* (Прем. 7: 21–23). Кстати, обратите внимание, что здесь 21 свойство, триада семерок, символ совершенства.

«Ибо премудрость подвижнее всякого движения, и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает. Она есть дыхание силы Божией и чистое изливание славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдет в нее. Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его. Она – одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков» (ст. 24–27). Эта терминология используется и новозаветными писателями.

Апостол Павел говорит о Сыне Божьем: *«Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте»* (Евр. 1: 3).

«Мы проповедуем Христа распятого <...> Божью силу и Божью премудрость... От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением» (1 Кор. 1: 23–30). В другом послании он говорит, что во Христе *«сокрыты все сокровища премудрости и ведения»* (Кол. 2: 3).

Пророчества книги. В процитированном в начале главы отрывке Синописа святитель Иоанн Златоуст пишет, что в книге содержится пророчество о Христе. Он, а также святитель Афанасий Великий находили пророчество в отрывке (Прем. 7: 1–4). Там *«говорится, что такое Премудрость – Сын Божий, и как слово стало плотью, и обитало с нами, и аз, – говорит он, – подобострастен вам сый человек от веления Божия вскормлен есмь»* [29, т. 6, кн. 2, с. 672]. Хотя на первый взгляд в принятой у нас редакции текста речь идет об обычном человеческом рождении.

Святители Ипполит Римский и Кирилл Александрийский находили пророчество во 2-й главе книги, в которой от имени беззаконников говорится: *«Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами – обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его: он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот, ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; ибо если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет».* Так они умствовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их, и они не познали тайн Божиих» (Прем. 2: 12–22). Согласитесь, что этот текст может быть вложен в уста членов синедриона, которые произносили суд на Христа.

Эту цитату хочется продолжить следующим текстом из 5-й главы: *«Тогда праведник с великим дерзновением станет пред лицом тех, которые оскорбляли его и презирали подвиги его; они же, увидев, смутятся великим страхом и изумятся неожиданности спасения его и, раскаиваясь и вздыхая от стеснения духа, будут говорить сами в себе: “это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания. Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествием и кончину его бесчестною! Как же он причислен к сынам Божиим, и жребий его – со святыми? Итак, мы заблудились от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас. Мы преисполнились делами беззакония и погибли и ходили по непроходимым пустыням, а пути Господня не познали. Какую пользу принесло нам*

высокомерие, и что доставило нам богатство с тщеславием? Все это прошло как тень и как молва быстротечная» (Прем. 5: 1–9).

Богослужбное употребление книги. Как было сказано в свое время, неканонические книги предназначены для домашнего употребления. А вот относительно книги Премудрости Соломона мы видим, что она весьма часто употребляется в паремиях за богослужением. Из прочих неканонических книг такой чести удостоилась только одна – книга пророка Варуха.

Паремии из книги Премудрости читаются на службах св. Иоанну Предтече, пророкам, святителям, мученикам, преподобным. В основном тексты берутся из первых девяти глав – той части, которая касается премудрости и жизни праведников. Есть составные паремии, то есть набранные из различных стихов одной книги. Но бывает и так, что стихи из Премудрости Соломоновой добавляются к стихам Книги притчей. Например, третья паремия службы святителю состоит в основном из стихов книги Премудрости Соломона: там только первый и последний стихи взяты из Книги притчей. Это свидетельствует о высоком назидательном значении неканонической книги Премудрости.

Самая распространенная паремия – это начало 3-й главы:

«Души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас – уничтожением; но они пребывают в мире. Ибо, хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия. И немного наказанные, они будут много благодетельствованы, потому что Бог испытал их и нашел их достойными Его. Он испытал их как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную. Во время воздаяния им они воссияют как искры, бегущие по стеблю. Будут судить племена и владычествовать над народами, а над ними будет Господь царствовать во веки. Надеющиеся на Него познают истину, и верные в любви пребудут у Него; ибо благодать и милость со святыми Его и промышление об избранных Его» (Прем. 3: 1–9). Здесь, как и в Книге Иова, упрощенное понимание земного воздаяния получает существенное восполнение с учетом воздаяния в вечности.

Также часто читается текст 4-й главы, продолжающий затронутую тему. *«А праведник, если и рановременно умрет, будет в покое, ибо не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь – возраст старости. Как благоугодивший Богу, он возлюблен, и, как живший среди грешников, преставлен, восхищен, чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его. Ибо упражнение в нечестии помрачает доброе, и волнение похоти развращает ум незлобивый. Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета; ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил он из среды нечестия. А люди видели это и не поняли, даже и не подумали о том, что благодать и милость со святыми Его и промышление об избранных Его»* (Прем. 4: 7–15). Текст не нуждается

в комментариях. Обе паремии читаются на службах мученикам и преподобным.

В Книге пророка Исаии говорится: *«Он возложил на Себя правду, как броню, и шлем спасения на главу Свою; и облекся в ризу мщеница, как в одежду, и покрыл Себя ревностью, как плащом»* (Ис. 59: 17). Похожее место есть и в книге Премудрости: *«А праведники живут вовеки; награда их – в Господе, и попечение о них – у Вышнего. Посему они получают царство славы и венец красоты от руки Господа, ибо Он покроет их десницею и защитит их мышцею. Он возьмет всеоружие – ревность Свою, и тварь вооружит к отмщению врагам; облечется в броню – в правду, и возложит на Себя шлем – нелицеприятный суд; возьмет непобедимый щит – святость; строгий гнев Он изострит, как меч, и мир ополчится с Ним против безумцев»* (Прем. 5: 15–20).

В своих посланиях эти образы употреблял апостол Павел, предлагая уже нам принять эти божественные доспехи: *«Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие»* (Еф. 6: 13–17). Также: *«Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения»* (1 Фес. 5: 8).

Важными с богословской точки зрения свидетельствами книги являются слова *«Бог смерти не сотвори»* (Прем. 1: 13) и *«завистию диаволею смерть вниде в мир»* (Прем. 2: 24).

23.2. Неканоническая книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова

Завершает раздел учительных книг книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Ее предваряет предисловие переводчика, который говорит, что его дед Иисус написал ее на еврейском языке в Палестине, будучи сам знатоком закона и преданий отеческих. Приехав в Александрию и обнаружив там недостаток образованности и проистекающие из этого затруднения людей, желающих жить благочестиво, он посчитал необходимым перевести написанную дедом книгу на греческий язык в 38 году при царе Евергете (предположительно в 132 году до Р. Х.). Следовательно, оригинал появился на свет где-то на рубеже III и II веков. Это было время, когда в Палестине началась эллинизация, проявлявшаяся, в частности, в отступлении от закона. Необходимость сохранения традиции и явилась причиной появления как самой книги, так и ее перевода.

В 1986 году в книгохранилище Капрской синагоги была обнаружена рукопись книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, на еврейском языке.

Заметим, что при этом книга не была автоматически переведена в разряд канонических.

Книга представляет собой собрание кратких поучений, сентенций, афоризмов и небольших картин, которые достаточно беспорядочно между собой соединяются и иногда даже повторяют поучения на одну и ту же тему, поэтому какой-то четкой структуры в ней увидеть не удастся. Иногда выделяют 1–42 главы в качестве нравоучительной части. Затем следуют несколько небольших разделов: с 42-й по 43-ю главу, где воспевается сила Божия в природе, и с 44-й по 50-ю главу, где рассматривается действие Премудрости Божией в истории. Эти последние главы ценны тем, что в них отражены некоторые события и лица, по времени близкие к писателю этой книги, как раз находящиеся в промежутке между книгами Неемии и Маккавейскими, о которых нам другие книги Священного Писания ничего не говорят. В последней главе содержится молитва благодарения и прошение о приобретении премудрости.

Основной акцент книги, по сравнению с предыдущими, стоит в связи с уже упомянутой причиной ее написания. Закон, данный в Пятикнижии, для Сираха является выражением и обоснованием мудрости.

Учение о премудрости. Центральным моментом в смысле вероучения находится в 24-й главе, где мы видим персонификацию премудрости. *«Премудрость прославит себя и среди народа своего будет восхвалена. В церкви Всевышнего она откроет уста свои, и пред воинством Его будет прославлять себя: “я вышла из уст Всевышнего и подобно облаку покрыла землю; я поставила скинию на высоте, и престол мой – в столпе облачном; я одна обошла круг небесный и ходила во глубине бездны; в волнах моря и по всей земле и во всяком народе и племени имела я владение: между всеми ими я искала успокоения, и в чьем наследии водвориться мне. Тогда Создатель всех повелел мне, и Произведший меня указал мне покойное жилище и сказал: поселись в Иакове и прими наследие в Израиле. Прежде века от начала Он произвел меня, и я не скончаюсь вовеки. Я служила пред Ним во святой скинии и так утвердилась в Сионе. Он дал мне также покой в возлюбленном городе, и в Иерусалиме – власть моя... Я – как виноградная лоза, произращающая благодать, и цветы мои – плод славы и богатства. Приступите ко мне, желающие меня, и насыщайтесь плодами моими; ибо воспоминание обо мне слаще меда, и обладание мною приятнее медового сота. Ядущие меня еще будут алкать, и пьющие меня еще будут жаждать. Слушающий меня не постыдится, и трудящиеся со мною не погрешат. Все это – книга завета Бога Всевышнего, закон, который заповедал Моисей как наследие сонмам Иаковлевым”...»* (Сир. 24: 1–12, 20–26). Здесь присутствуют многие знакомые для нас выражения. *«Прежде век, от начала»* (ст. 10) происходит премудрость от Бога. Премудрость говорит: *«я поставила скинию на высоте, и престол мой – в столпе облачном»* (ст. 4), – как вы помните, Моисей устроил скинию у подножия Синая по образу того, что было ему открыто на горе. Также здесь отмечено, что

Израиль особым образом избирается среди всех народов, с тем чтобы среди него создать особые условия, в результате которых стало бы возможно Боговоплощение, появилась, наконец, Та, Которая произнесла бы знаменательные в истории человечества слова: «*Се, Раба Господня, да будет Мне по глаголу твоему*» (Лк. 1: 38).

«*Я – как виноградная лоза, произрастающая благодатью*» (Сир. 24: 20), – сравним со сказанным в Евангелии от Иоанна: «*Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода*» (Ин. 15: 5).

«*Ядущие меня еще будут алкать, и пьющие меня еще будут жаждать*» (Сир. 24: 23), – это не о том, что эта премудрость не насыщает, а о том, что никогда не наступает пресыщения ею, поскольку вкушение ее – истинное блаженство.

Далее сказано: «*Все это – книга завета Бога Всевышнего, закон, который заповедал Моисей*» (Сир. 24: 25–26). Здесь подчеркивается связь закона и премудрости, чем еще раз подтверждается, что Моисей говорил о Христе.

Нравственное учение. «*Всякая премудрость – от Господа и с Ним пребывает вовек*» (Сир. 1: 1).

В целом поучения книги имеют несколько более прагматический характер по сравнению с Книгой притчей Соломона. Но и в ней есть очень много ценного и назидательного.

Словосочетание *страх Господень* только в первой главе в разных вариациях повторяется семь раз, например: «*Страх Господень отгоняет грехи; не имеющий же страха не может оправдаться*» (Сир. 1: 21). В этой же главе сказано: «*Венец премудрости – страх Господень*». В Книге притчей написано: «*Начало мудрости – страх Господень*» (Притч. 1: 7), а здесь страх Господень оказывается ее венцом. Объяснить это можно двояко. Если, забывая о Песни песней, предположить, что Ветхий Завет еще не получил откровения о любви и не выходит за рамки законнического страха наказания, то получается замкнутый круг: от чего ушли, к тому и пришли. Но разве премудрость не ведет человека к совершенству, на которое должен был указывать Ветхий Завет?

Из Нового Завета мы знаем, что «*в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви*» (1 Ин. 4: 18). Как же это соотносится с тем, что сказано у Иисуса, сына Сираха?

Преподобный Максим Исповедник объясняет, что под страхом Божиим следует понимать несколько явлений. «Двояк страх Божий: один рождается в нас от угрозы наказания и благодаря ему появляются, по порядку, воздержание, терпение, упование на Бога и бесстрашие, из которого [возникает] любовь; другой сопряжен с самой любовью, производя в душе благоговение, дабы она, воспользовавшись доверчивым отношением любви, не впала бы в пренебрежение к Богу.

Совершенная любовь изгоняет (1 Ин. 4: 18) первый страх из души, стяжавшей ее и уже не боящейся наказания; второй же страх она, как было

сказано, имеет всегда сопряженным с собой. Первому страху [соответствуют слова Писания]: *“страхом же Господним уклоняется всяк от зла”* (Притч. 16: 6) и *“начало премудрости страх Господень”* (Притч. 1: 7); второму же [страху слова]: *“страх Господень чист пребываяй в век века”* (Пс. 18: 10) и *“несть лишения боящимся Его”* (Пс. 33: 10)» [48, кн. 1, с. 104–105]. Он же в другом месте добавляет: *«Ибо любви самой по себе, без страха, присуще становиться презрением, как то часто бывает, если близость, естественно рождаемая ею, не сдерживается уздой страха»* [48, кн. 2, с. 43]. То есть один страх – наказания, другой – отпадения, один – начальный, другой – конечный.

В книге есть замечательное выражение: *«Если желаешь премудрости, соблюдай заповеди, и Господь подаст ее тебе»* (Сир. 1: 6). Оно перекликается с известными словами Спасителя из прощальной беседы: *«Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди»* (Ин. 14: 15); *«Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам»* (Ин. 14: 21). Явление Премудрости есть явление Христа.

Автор дает множество полезных советов, касающихся самых разных сторон человеческой жизни, личной, семейной и общественной. Ограничусь лишь несколькими цитатами.

«Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению <...> Все, что ни приключится тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, – в горнилы уничижения» (Сир. 2: 1; 4–5).

«Лучше скудный знанием, но богобоязненный, нежели богатый знанием — и престающий закон» (Сир. 19: 21).

«Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им... Поблажающий сыну будет перевязывать раны его, и при всяком крике его будет тревожиться сердце его... Лелей дитя, – и оно устрашит тебя; играй с ним, и оно опечалит тебя. Не смейся с ним, чтобы не горевать с ним и после не скрежетать зубами своими. Не давай ему волю в юности и не потворствуй неразумию его. Нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе. Учи сына твоего и трудись над ним, чтобы не иметь тебе огорчения от непристойных поступков его» (Сир. 30: 1, 7, 9–13).

«Против вина не показывай себя храбрым, ибо многих погубило вино» (Сир. 31: 29).

«Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими» (Сир. 38: 4).

«Выслушал ты слово, пусть умрет оно с тобою: не бойся, не расторгнет оно тебя. Глупый от слова терпит такую же муку, как рождающая – от младенца» (Сир. 19: 10–11).

«Живущих с тобою в мире да будет много, а советником твоим – один из тысячи. Если хочешь приобрести друга, приобретай его по испытанию и не скоро веряйся ему» (Сир. 6: 6–7).

«Сколько ты велик, столько смиряйся, и найдешь благодать у Господа» (Сир. 3: 18).

«Чрез меру трудного для тебя не ищи, и, что свыше сил твоих, того не испытывай» (Сир. 3: 21).

«Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь» (слав.: «Помни последняя твоя, и во веки не согрешиши») (Сир. 7: 39; ср. 14: 12).